

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ОБЛАСТЬ ОБЪЕКТИВНО СУЩЕСТВУЮЩЕГО

О. А. Крапивкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Поступила в редакцию 12 мая 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются средства деперсонализации высказываний юридического дискурса с целью устранения их субъективности в силу существующих требований к организации институциональных юридических текстов. Одними из наиболее часто используемых средств деперсонализации высказываний в юридическом дискурсе являются неопределенно-личные, безличные конструкции и бессубъектные пассивные конструкции. В таких конструкциях субъект высказывания выражается имплицитно, что позволяет создать видимость объективности высказывания. В статье подчеркивается, что деперсонализация, достигаемая за счет употребления бессубъектных конструкций, придает высказываниям большую убедительность, весомость, увеличивает их перлокутивный эффект, вызывает у адресата представление о действии не субъективном, а объективно заданном. Автор приходит к выводу о существовании двух факторов, деперсонализирующих юридический текст: стремление придать высказываниям объективный, эмоционально нейтральный характер, освободить от субъективизма, недопустимого в текстах, направленных на регулирование общественных отношений; стремление подчеркнуть приоритет Закона над индивидом.

Ключевые слова: юридический дискурс, деперсонализация высказываний, неопределенно-личные конструкции, безличные конструкции, бессубъектные пассивные конструкции.

Abstract: the article deals with the issue of depersonalization of legal discourse as a means of subjectivity elimination in legal texts. The most frequently used tools for depersonalizing utterances are indefinite personal, impersonal and passive constructions. They imply the speaking subject and make legal discourse look like a set of objective utterances, thus creating an aura of objectivity. Depersonalized utterances look more convincing, solid, and have a stronger perlocutionary effect. They make recipients take actions as objective rather than subjective ones. The author distinguishes between two factors of legal text depersonalization: firstly, the aim to make utterances more objective, emotionally neutral; secondly, the aim to emphasize the priority of Law over an individual (based on the assumption that the law is something given to the human and having priority over human rules).

Key words: legal discourse, depersonalization of utterances, indefinite personal constructions, impersonal constructions, passive constructions.

Как отмечал французский языковед Шарль Балли, официальный язык резко отличается от общеупотребительной речи и обладает ярко выраженной социальной окраской, «владеет совокупностью речевых фактов, служащих для выражения в точных и безличных формулах обстоятельств, которые накладывает на человека жизнь в обществе, начиная с нотариальных актов и полицейских уложений и кончая статьями кодекса и конституции» [1, с. 274]. Именно такой язык, состоящий из обезличенных высказываний, мы находим в юридическом дискурсе.

В силу свойственной юридическому дискурсивному сообществу тенденции представлять себя безличным рупором Закона, юридические тексты отличаются ярко выраженный деперсонифицированный характер, поскольку непосредственное вмешательство

индивида субъективирует дискурс, нарушает беспристрастность изложения.

Институциональный юридический дискурс представляет собой совокупность высказываний, коммуникативная цель которых – установление «правил игры» в обществе, регулирование взаимоотношений между членами этого общества. Регулятивно-нормативный характер юридических высказываний требует отстранения субъекта речи от самой речи. Выражение субъективного мнения считается недопустимым. На языковом уровне невмешательство в монолог Закона маркируется отсутствием личных и притяжательных местоимений, экспликаторов субъективной модальности (за исключением, пожалуй, средств деонтической модальности), оценочных предикатов, полным отсутствием эмоционально окрашенной лексики. Субъект речи, действуя в условиях имплицации, пользуется теми грамматическими конструк-

циями и лексическими единицами, которые устраняют субъективизм и индивидуализм высказываний.

Средствами, наиболее часто используемыми для импликации субъекта юридического дискурса и, как следствие, деперсонализации высказываний, являются неопределенно-личные, безличные и пассивные обороты без семантически выраженного субъекта речи.

Английские конструкции с неопределенно-личными местоимениями *one, they* – местоимениями общего лица, по словам О. Есперсена [2], – имеют расплывчатую семантику и расположены дистантно по отношению к субъекту. Рассмотрим пример:

(1) *The reason the Court so thoroughly conflated expenditures and contributions, **one** assumes, is that it realized that some expenditures may be functionally equivalent to contributions* (Dissenting Opinion).

(2) ***One** need not take a naïve or triumphalist view of this history to find it highly relevant* (Dissenting Opinion).

В приведенных высказываниях неопределенно-личное местоимение *one*, имплицитное субъекта, создает эффект референциальной неопределенности, реализует интенцию скрыться за единицей, имеющей симулякризованный характер в силу размытости границ означаемого. Собственная позиция субъекта обобщается и проецируется на любого индивида. Референтом здесь, как отмечает А. В. Бондарко [3, с. 558], является говорящий, но грамматическая конструкция позволяет распространить его точку зрения на неопределенное множество лиц. Следовательно, референция к такому субъекту смещает фокус высказывания в сторону группы лиц, границы которой являются максимально неопределенными. Наличие референциально размытого субъекта влечет за собой неоднозначность в его идентификации, а адекватное толкование неопределенно-субъектных предложений является контекстно обусловленным. Как пишет Т. В. Булыгина, «текст может быть правильно понят лишь в случае способности адресата к контекстному разрешению возникающей неоднозначности...» [4, с. 111]. Неопределенность субъекта-деятеля в неопределенно-личном предложении имеет многообразные оттенки значений. Субъект в неопределенно-личном предложении может мыслиться как одно неопределенное лицо, несколько неопределенных лиц или неопределенная группа, множество лиц.

Функциональное назначение неопределенно-личности – констатация реального факта действия, произошедшего, происходящего или намеченного произойти в действительности, с проявлением действительного или намеренного безразличия к сообщению о самом производителе этого действия. Это назначение является основной причиной, обуславливающей неопределенность субъекта (его частичное

устранение); дополнительные причины представления субъекта неопределенным содержатся или в неизвестности действующих лиц, или в трудности и невозможности их перечисления, или в нежелании их назвать по различным субъективным причинам [5, с. 44].

В русском языке неопределенно-личное значение реализуется с помощью формы третьего лица множественного числа глагола, которая выражает действие без указания субъекта этого действия. Стоит, однако, отметить, что неопределенно-личные конструкции не получили распространения в русскоязычном юридическом дискурсе.

Следуя широкому истолкованию семантики неопределенно-личности, мы, вслед за А. В. Бондарко [3, с. 558], расширяем круг языковых средств ее выражения, включая в него и бессубъектные пассивные конструкции.

Бессубъектные пассивные конструкции с семантически невыраженным субъектом получили широкое распространение в юридическом дискурсе в силу указанных выше причин. Как отметил Шарль Балли, «когда ум погружается в созерцание и становится явлением, всё кончается тем, что забывают, чем был вызван данный душевный процесс, забывают о деятеле, субъект глагола остается в тени» [6].

С формальной точки зрения, как пишет Т. С. Шмелева, можно говорить «о редуцированной форме залоговой конструкции в силу отсутствия формального подлежащего. С семантической точки зрения данные конструкции передают «деперсонифицированное» значение пассивной инактивности» [7].

В юридическом дискурсе пассивные конструкции с формально не выраженным субъектом позволяют акцентировать абсолютное и универсальное (в конкретных культурно-исторических и политических условиях) действие Закона [8] и являются самым распространенным методом имперсонализации языка [9]. Вслед за Е. А. Кожемякиным отметим, что эта особенность свидетельствует о своего рода «отчуждении» правового решения от обыденных действий индивидов и их волеизъявления, в том числе – от субъективности автора юридического текста, реифицирует и онтологизирует Закон, переводя его из сферы субъективных речемыслительных операций в область объективно существующего [8]:

(3) *This compilation was **prepared** on 1 July 2006 taking into account amendments up to Act No. 46 of 2006* (Marriage Act).

(4) *It is expedient that further and better provision **should be made** for the improvement and development of local government services in London* (London Local Authorities Act).

(5) В ходе судебного заседания **было установлено**, что истец занизил стоимость указанных услуг (Решение суда).

(6) Таким образом, поскольку часть третья статьи 113 УПК РСФСР сама по себе не нарушает конституционные права, жалоба ... **не может быть признана допустимой** (Определение суда).

Деперсонализация, достигаемая за счет употребления бессубъектных пассивных конструкций, придает высказываниям большую убедительность, весомость, увеличивает их перлокутивный эффект [10]. В примере (6) бессубъектная пассивная конструкция с незаполненной агенсной позицией имплицитно подразумевает присутствие субъекта, который, однако, оставляет след в употребленном модальном глаголе, с помощью которого, исходя из существующего в юридическом дискурсивном сообществе способа осмысления правовой действительности, он отвергает одно из возможных обстоятельств удовлетворения иска.

Следует отметить, что наиболее часто данные конструкции употребляются в законодательных актах, в таких структурных элементах закона, как положения об отмене предыдущих правовых актов, положения о поправках и т.п. Не привязанный к субъекту дискурс получает статус объективно заданного, что весьма важно с точки зрения правового регулирования общественных отношений. Только объективность как атрибут Закона является неременным условием его облигаторности.

Стоит упомянуть еще одну конструкцию, получившую распространение в русскоязычном законодательном дискурсе – бессубъектные повелительные конструкции, которые можно встретить в преамбулах и заключительных положениях законодательных актов:

Со дня вступления в силу настоящего Федерального закона **признать** утратившими силу... (Закон о рекламе).

С учетом заслуг по защите Отечества, безупречной военной службы, иной государственной службы и продолжительного добросовестного труда **устанавливаются** следующие категории ветеранов... (Закон о ветеранах).

Еще одним способом деперсонализации юридических высказываний являются безличные конструкции, имеющие одинаковую частотность как в англоязычном, так и в русскоязычном юридическом дискурсе.

Семантика форм безличности, как пишет А. В. Бондарко, «представляет дальнюю периферию рассматриваемого семантического пространства» [11, с. 7].

Английские безличные конструкции не имеют однозначного подлежащего, вместо которого обязательно употребляется так называемое безличное *it*.

При этом финитный глагол, как и в русском языке, может иметь только форму 3-го лица:

(7) **It seems that the “societal reliance” on the principles confirmed in Bowers and discarded today has been overwhelming** (Dissenting Opinion).

Английская безличная конструкция, обозначающая ментальное состояние субъекта, оставляет последнее неназванным и неопределенным. Подобного рода конструкции Д. Болинджер называет «опущением экспериента». Исследователь отмечает, что данные типы высказываний «популярны в некоторых письменных и устных текстах – например, в тех, которые принадлежат бюрократам, педагогам-теоретикам и всем тем, кто хотел бы скрыть источники импрессионистских суждений о мире» [12]. Отсутствие откровенности делает данное утверждение, по словам Д. Болинджера, безответственным. Тем не менее след субъекта в приведенном высказывании несет лексическая единица *seem*, определяемая через указание на его чувства – признак субъективности. Она позволяет установить, как следует оценивать ситуацию, описываемую подчиненной пропозицией. В приведенном примере заметно намерение имплицитно репрезентированного субъекта представить свое мнение, а предикат *seem* позволяет ему продемонстрировать адресату свое сомнение.

Рассмотрим фрагмент русскоязычной жалобы:

(8) Также **хотелось бы проанализировать** мотивы такого бездействия следственных органов (Жалоба в суд).

В приведенном высказывании имплицитное присутствие субъекта выражено конструкциями с безличным предикатом и инфинитивом. Безличное предложение, оставляя неразрешенным вопрос о характере субъекта, его роли в акте речи и т.п., несмотря на это, выражает его стремления и желания, выполняет функцию воздействия на адресата.

(9) Учитывая установленные статьей 21 закона условия размещения средств фонда, **ясно**, что закон создает заинтересованность в его увеличении (Жалоба в суд).

(10) **Представляется** далеко не случайным то, что понятия неоднократности и рецидива оказались под подозрением запрета наказывать дважды за одно и то же (Особое мнение судьи).

Субъект остается неназванным в высказывании с безличным предикатом, сопровождаемым придаточным предложением. Действуя в условиях имплицитации, он оставляет вопрос *кому ясно, кому представляется* без ответа. Деперсонализация субъекта вызывает у адресата представление о действии не субъектном, а объективно заданном.

Рассмотрим еще несколько примеров.

(11) While **one cannot dispute** the basis for this sentiment as a practical matter, **it would seem** that those

who sought to challenge incumbent Congressmen might have good reason to fear a Commission (Judicial decision).

(12) *It seems clear that at this stage those responsible for the prosecution anticipated that witnesses would be called to give evidence* (Judicial decision).

(13) **Как известно**, возможность введения чрезвычайного положения предусматривается статьями (Особое мнение судьи).

В примере (11) субъект дважды прибегает к использованию средств имплицитной саморепрезентации. Деперсонализировать высказывание позволяют неопределенно-личное местоимение *one*, лишенное четкой референтной отнесенности, «обеспечивающее смещение фокуса высказывания в сторону неопределенной группы лиц и придающее высказыванию характер анонимизации» [13, с. 13], а также безличная конструкция с местоимением *it* (12), оставляющая адресата без ответа о характере субъекта и позволяющая генерировать безответственные высказывания. В примере (13) субъект, подчеркивая широкую известность упоминаемых положений Конституции, опускает информацию о том, кому именно они известны. Думается, что элиминация субъекта обусловлена очевидностью ответа, вытекающего из знания Основного закона для любого представителя юридического сообщества, с которым субъект имплицитно солидаризуется и кому, прежде всего, адресует данный дискурс. Конкретизировать, кому известен порядок введения чрезвычайного положения, является с точки зрения субъекта излишним.

Особыми признаками обладают безличные конструкции, включающие дополнение, маркируя пассивную позицию субъекта, его дезагентивность и дезактивность [14, с. 19]. Однако эксплицитный характер языкового явления позволяет отнести данного рода конструкции к ближнепериферийной группе механизмов репрезентации субъекта:

(14) *On the other hand, it seems to me that the rule "partus sequitur patrem" has always applied to children* (Dissenting Opinion).

(15) **Мне представляется**, что суд не обязан возбуждать уголовное дело (Особое мнение).

Форма косвенного падежа служит грамматическим индикатором отстранения субъекта речи от действия [15, с. 11–12; 16, с. 76–77]. Субъект, представленный косвенно-падежными формами, находится на положении предмета, признак которого обращен к нему (субъект-эксперимент) или на него, настигает его извне (субъект-пациент), без его собственной активности, а лишь с соучастием субъекта – в той мере, в какой признак включает этот предмет в соответствующее отношение, отношение к себе [17, с. 28]. Как пишет М. В. Захарова, субъект такого высказывания сознательно включает себя в денотативную

ситуацию как объект, и предлагает «объективное» толкование ситуации вместо возможного «субъективного» [18].

Итак, можно говорить о двух факторах, деперсонализирующих юридический текст:

1) стремление освободить высказывания от субъективизма, недопустимого в текстах, направленных на регулирование отношений в масштабах целого государства, придать авторитет, максимальную беспристрастность правовой системе;

2) стремление подчеркнуть приоритет Закона над индивидом (исходя из широкого понимания Закона как права, извне переданного человеку и приоритетного к человеческим установлениям).

Итак, роль индивида в большинстве жанров юридического дискурса сводится к скрипторской функции. Через скрипторов Закон обращается к обществу. Человек в юридическом дискурсе оказывается неспособным «явить себя даже в многообразии ипостасей своих виртуальных идентичностей, не то чтобы реальных» [19, с. 108–109].

В заключение стоит, однако, отметить, что деперсонализация высказываний не является универсальным требованием всех жанров юридического дискурса. Ряд юридических образований (например, завещание, доверенность, договор) в силу своей роли в правовой системе не допускают сокрытия субъекта, наоборот, субъект обязательно должен быть назван конкретно-референтным именем. Только в этом случае высказывания могут повлечь юридические последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1961. – 393 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 408 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка) / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
4. Булыгина Т. В. Синтаксические нули и их референциальные свойства / Т. В. Булыгина // Типология и грамматика. – М.: Наука, 1991. – С. 109–117.
5. Лаврентьев В. А. Значение неопределенности лица / В. А. Лаврентьев // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. – 2009. – № 2. – С. 42–48.
6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – 380 с.
7. Шмелева Т. С. Типология залоговых конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Шмелева. – Ижевск, 2012. – 20 с.
8. Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Е. А. Кожемякин. – Режим доступа: <http://www.konference.siberia-expert.com>

9. Šarčević S. New Approach to Legal Translation / S. Šarčević S. – Den Haag : Kluwer Law International, 1997. – 308 p.
10. Крапивкина О. А. О персонифицированном характере современного юридического дискурса / О. А. Крапивкина // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 27–34.
11. Бондарко А. В. Общая характеристика семантической категории и поля персональности / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики : Персональность. Залоговость. – СПб. : Наука (С.-Петербург. отделение, 1991. – 369 с.
12. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая / Д. Болинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 23–43.
13. Кашкина О. В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства реализации я-концепта (на материале интервью немецкой прессы) : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кашкина. – Воронеж, 2005. – 212 с.
14. Кокорина С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке / С. И. Кокорина. – М. : МГУ, 1979. – 79 с.
15. Зализняк А. А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния (на материале французского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Зализняк. – М., 1985. – 24 с.
16. Гиро-Вебер М. Эволюция так называемых безличных конструкций в русском языке двадцатого века / М. Гиро-Вебер // Русский язык : пересекая границы. – Дубна, 2001. – С. 66–77.
17. Павлов В. М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке / В. М. Павлов. – СПб. : Наука, 1998. – 186 с.
18. Захарова М. В. Семантика безличных предложений : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Захарова. – М., 2004. – 167 с.
19. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Ж. Деррида. – СПб. : Алетейя, 1999. – 208 с.

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Крапивкина О. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

E-mail: koa1504@mail.ru

Тел.: 8-904-131-75-65

Irkutsk National Research Technical University

Krapivkina O. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department

E-mail: koa1504@mail.ru

Tel.: 8-904-131-75-65